

ЛИТЕРАТУРА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В. Ю. Бутко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 сентября 2025 г.

Аннотация: исследуется проблема коллективной памяти разных поколений. Рассматривается взаимное влияние литературы на человека и человека на литературу с целью детального историко-философского анализа основных событий Великой Отечественной войны, и изучается реакция человека на них.

Ключевые слова: литература, коллективная память, война, поколение, личность, человек, социум.

Abstract: the problem of collective memory of different generations is investigated. The mutual influence of literature on man and man on literature is considered for the purpose of a detailed historical and philosophical analysis of the main events of the Great Patriotic War and the human reaction to them is studied.

Key words: literature, collective memory, war, generation, personality, person, society.

В разговоре о таком важном празднике, как День Победы, человек начинает анализировать события прошлого своей страны и приходит к неутешительному выводу, что история циклична и периодически повторяется. Поэтому важно говорить с молодым поколением о том, что такое война, насколько она ужасна и как болезненно восстановление.

По данным ВЦИОМ, в 2023 г. 65 % населения страны считали 9 Мая самым важным праздником [1]. За последние пять лет мировое сообщество пережило большое количество потрясений, оставивших в памяти человечества неизгладимый след. Во времена пандемии коронавирусной инфекции, специальной военной операции, отмены масштабных празднований вырастает целое поколение зуммеров, на чье детство и пришли эти события. Они не понимают важности Дня Победы, потому что оторваны от непосредственных участников страшных событий, видят лишь воспоминания, документальные фильмы, стареющих ветеранов, которым больно вспоминать то, что они пережили.

При этом в семьях всё чаще вспоминают войну. Девять из десяти наших сограждан говорят в своей семье о Великой Отечественной войне, к 2024 г. этот показатель вырос до 89 % [там же]. Устные истории с фронта, воспоминания родственников о фронтовиках и их жизни за пределами фронта еще живы в памяти поколений, хотя и подвержены изменениям.

Как писала Алейда Ассман в своей книге «Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика», человека делают человеком его воспоминания, которые имеют тенденцию к искаению [2, с. 13]. Еще в XVII в. английский врач Томас Браун отмечал, что «по ходу времени чередуются свет и тьма, вот так же забвению принадлежит в нашей жизни не меньшее место, чем воспоминанию. От счастья сохраняются лишь поверхностные впечатления, и даже самые глубокие раны способны зарубцеваться. Наши чувства не выносят крайностей, и страдание разрушает либо нас, либо самое себя» [3, с. 283].

Без воспоминаний человек рискует потерять связь не только с прошлым, но и будущим. Если посмотреть на то, с какой скоростью развивается поколение зуммеров, то можно обратить внимание на то, что для них актуальны события, максимально к ним приближенные во временных рамках. Те события, которые произошли давно, слишком сложно запоминать.

Это происходит из-за эффекта Зейгарник, для которого характерно приданье разного значения информации. Есть события, которые происходят прямо сейчас, не завершены и имеют большее значение для человека. Вместе с тем есть события, которые прошли, и на них человеческий мозг концентрируется слабее. К таким событиям относится Великая Отечественная война. Современное поколение знает

об истории войны практически всё, поэтому не считает нужным фокусировать внимание на изучении прошлого.

Одновременно с этим человек теряет эмоциональную связь с предшествующим поколением. Без нее информация воспринимается поверхностно и на короткий срок. В таком случае возрастаёт риск распространения «фэйковой» информации, которая создает перегруженность и дезориентирует молодое поколение. Причина информационного шума заключается в огромном количестве разных источников в открытом доступе.

Многие источники формировались живыми людьми, и с такой информацией сложно спорить, особенно если внутри семьи постоянно поддерживаются разговоры на эту тему. Необходимо поддерживать эмоциональную связь на коллективном уровне, для того чтобы человек понимал, что история имеет субъективно-объективный характер.

Человек должен делать акцент на том, что соответствует его внутренним ценностям, и действовать в соответствии с ними. Большой поток информации вынуждает человека распылять свое сознание на всё сразу. Это приводит к поверхностному пониманию ситуации. В группе риска оказываются зуммеры, которые знакомятся в школе с литературой времен ВОВ, но из-за слабой эмоциональной связи воспринимают ее поверхностно. У них складывается впечатление, что о войне написано одно и то же общими фразами. Необходимо четко обозначить временные рамки литературы и смысловые доминанты, к которым обращались в конкретный период.

В довоенный период общество столкнулось с различными кризисами. Новая власть сменила курс, начала строить новые ценностные ориентиры. Хаос бросил культуре вызов, на который требовался ответ в кратчайшие сроки. Эмиль Дюркгейм обозначил этот этап понятием «аномии» [4, с. 331], под которым подразумевался ценностно-нормативный вакuum, в котором старые социальные нормы перестают действовать, а новые еще не родились.

В этот период необходимо было сформировать массовое понимание важности единения людей. Мережковский в «Сердце человеческом и сердце зверином» четко обозначил культурную позицию: «Обожествленный Коллектив становится некоторым Великим Существом, ... некоторою сверхчеловеческою Личностью, а все отдельные человеческие “я” – безличными клеточками этого тела» [5, с. 156].

По мнению Мандельштама, «...мы вступили в полосу могучих социальных движений, массовых организованных действий, акции личности в истории падают» [6, с. 268]. Между человеком и культурой пропал диалог, наука и жизнь оказались лишены гармонии.

Необходимо было «переформатировать» человека, погрузить его в новый коллективный миф. Реальный мир должен быть создан по образу и подобию идеального мира. В этом мире должен жить новый человек, а не старый, не готовый к переменам. Естественно, не все люди оказались готовы к переменам и стали в некотором роде маргиналами, которые объединялись в группы и которых необходимо было контролировать.

Рычагом контроля была выбрана литература, разделившаяся на официальную и альтернативную. В этот период в литературе уже процветала идеология. Литература была вынуждена стимулировать актуальность и поэтому часто становилась инфантильной. Так происходило потому, что на место уехавших авторов пришли мало известные, готовые работать по заказу. Перед этими авторами была поставлена задача – разобрать детально старого человека, найти в нем хорошие черты и перенять их в образ нового человека.

Творческий поток во время формирования вкусов и интересов читателей необходимо контролировать. Для этого обращались к ужесточению законов письма – подгоняли смысл под определенный образец.

Идеальный человек того, довоенного, времени – передовик производства, способный быть лучше, сильнее, выносливее. Однако на практике быть главным героем того времени получалось далеко не всем, потому что человеческая природа устроена таким образом, что все люди разные. Поистине сильных людей не так много в мире, многим тяжело достигать таких вершин.

Таких людей необходимо постоянно мотивировать, в противном случае не получится реализовать поставленные задачи. Самым эффективным способом выбрали тенденцию к упрощению. Суть этой идеи заключалась в том, что обозначалось два полярных мира: свой и чужой. Для «своего» характерной чертой выступала мысль о том, что всё произведенное советским человеком для Советского Союза изначально хорошо и правильно. А идеи, правила, поведенческие модели «чужих» подразумевались как противоположные здравому смыслу и, следовательно, неправильные.

Для того чтобы окончательно укрепить позицию, людям предлагалась идея о том, что в сравнительно недавнем прошлом царила неразбериха, смутное время, но теперь стабильность, процветание и покой. Такая идея вселяла в человека крепкую веру в правильность выбранного пути.

Одновременно с литературой расцветала промышленность, в которой ключевым винтиком был человек. С высоты собственного Я человек редко понимал, что именно он делает. С высоты же литературной он видел себя важнейшей частью огромного

титанического процесса поднятия страны. Он чувствовал себя сопричастным строительству нового мира. Это вселяло в его душу самые теплые чувства.

Для периода 1930-х гг. в литературе характерна мысль о том, что необходимо четко обозначать свою позицию. Это можно наблюдать в работах Михаила Зощенко, который в своих героях прописывал требовательность к четким позициям без компромиссов. При этом свою позицию можно и нужно отстаивать в самых простых местах: колхозе, заводе. Именно в таких местах происходило самое настоящее творчество до войны. Люди понимали, что несут ответственность не только за себя, но и за других людей тоже, поэтому их труд не мог быть бесполезным.

В период Великой Отечественной войны человек умел работать и знал, зачем он это делает, при этом он до конца не осознавал, почему идет война. Литература стала смещать фокус внимания на чувства и переживания отдельной личности. Например, Константин Симонов в своих работах основной упор делал на идеи жизни. Безусловно, человек того времени хотел жить, и мысль о том, что это важно, согревала его в окопах.

Идея национального начала прослеживалась в литературе. Человек не просто жил, он принадлежал к великой нации, которую важно сохранить. Величие наблюдалось в каждом человеке, особенно в женщинах, которые были хрупкими и нежными до войны, но во время войны они наравне с мужчинами работали на поле боя и в тылу, обладали мужским характером, хладнокровием, пониманием ситуации.

Писатели и поэты не оставили это в стороне и постоянно обращались в своих работах к боевому духу людей. Они подчеркивали ту самую «русскую душу», которая присуща только русскому человеку на интуитивном уровне. Она заключалась в том, что при всей жестокости врагов русский человек в большинстве своем оставался гуманным. В работах того времени русский человек побеждал в любой ситуации.

В военное время тесно сплетались личное и общественное. Если для личного характерны переживания самого автора, то для общественного важна история в том виде, в котором она была. Общественное не способно вызвать в человеке всех эмоций, как это делала личная история. В произведениях можно было вступить в интеллектуальный диалог с автором, который помогал максимально погрузиться в ту страшную атмосферу. Позже такой диалог получил название «лейтенантской прозы», основными авторами которой были Бондарев, Быков, Васильев и др.

Часто главного героя описывали простым парнем, лейтенантом или рядовым. Это делало его максимально приближенным к реальным солдатам и давало простор для диалога между людьми. Читая, люди видели реальное положение дел и понимали, что они

не оторваны от реальности. Так, в повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» четко видны две позиции: офицерская и рядовых солдат. Автор показал, что есть приказ, который необходимо выполнять, несмотря ни на что, и есть позиция командира, которому нужно сохранить жизни своего подразделения.

Произведение Юлии Друниной «Я родом не из детства, из войны...» показывает, какие страдания выпали на душу автора и ее сверстников. Целое поколение выросло без детства и юности, получило огромное количество травмирующих воспоминаний, им пришлось повзросльеть слишком рано. Детское и юношеское сознание максимально ярко зафиксировало все детали войны. При этом Ю. Друнина писала о том, как ей повезло стать частью великой Победы. «Я бежала на Белорусский вокзал, а в голове неотступно крутилось: “Нет, это не заслуга, а удача – стать девушки солдатом на войне, нет, это не заслуга, а удача”...» [7].

У каждого солдата за пределами войны была семья, которую необходимо было отыскать. Эта мысль подбадривала человека. Находясь во фронтовом коллективе, человек оставался личностью, перед которой стояла задача победить, восстановить всё, как бы тяжело не было. Это хорошо обозначил Семён Гудзенко в своих строках: «Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают / эту взятую с боем суровую правду солдат. / И твои костили, и смертельная рана сквозная, / и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, – это наша судьба, это с ней мы ругались и пели, / подымались в атаку и рвали над Бугом мосты. / ...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалили, / Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты» [8].

Давид Самойлов писал свои «Сороковые» и акцентировал внимание на дистанции поколений. Он показал, что есть два поколения: те, кто был взрослым участником войны, и те, кто, будучи ребенком, застал войну со всеми ее ужасами. Со временем это отразилось на психической составляющей этих молодых людей. Они трактовали историю войны по-другому.

Значительно позже военных лет Маргарита Алигер писала о том, что печатала свою «поэму так, как она была написана в сорок втором году, ради исторической и душевной правды той эпохи, потому что нужно знать правду о прошлом, чтобы полной мерой понимать правду настоящего» [9].

Насколько бы тяжелыми не были времена 1940-х гг., в литературе того времени основной мыслью была идея о том, что победа будет за советским человеком и рано или поздно, но мирное время настанет. В это время ни в коем случае нельзя было преуменьшать подвиг человека ни на фронте, ни за его пределами.

После окончания войны в литературе произошел поворот к новому направлению. По разным причинам

некоторые писатели вынуждены были уехать из страны, при этом продолжая писать. Авторы писали жестко и критично о лагерных буднях, вспоминали военные события. Одновременно с этим в мирное время возвращались фронтовики. Они осознавали, что необходимо заново отстраивать свои дома, страну, искать пропавших родственников.

Естественно, не всегда всё получалось лучшим образом, и литература показала это путем ввода открытого финала. Эта идея демонстрировала человеку, с одной стороны, пессимистичную черту относительного отсутствия гарантий и уверенности в завтрашнем дне, а с другой – такой подход вселял надежду на лучшее.

С наступлением 1953 г. в литературу приходит свобода. Связано это со смертью Сталина и последующим развенчанием культа личности. Творчество больше не контролируется так, как это было раньше. В это время на первый план выходил внутренний мир человека. Военным событиям уже почти десять лет. Психика человека уже что-то забыла, на чем-то, наоборот, сильнее акцентировала внимание. Каждый человек нес в себе частичку коллективной травмы, которая объединяла его с другими людьми. Ольга Берггольц писала о том, что война открыла в ней новый талант – писательства. Именно написание помогло ей открыть свои травмы миру.

В послевоенное время стала подниматься идея бегства. В таких произведениях, как «Сотников» Василия Быкова или «Живи и помни» Валентина Распутина перед человеком уже стоял выбор между предательством общих идей и смертью за идеалы общества. Авторы подчеркивали, что важно не быть дезертиром, идти до конца за Родину, забыв о личном счастье. Счастье человека заключалось в победе страны любым способом.

В следующие десятилетия писатели и поэты уже спокойно говорили о том, что человек может бояться, и это нормально. Теперь герои наделены двойной моралью, их нельзя определить как только хороших или только плохих. Документальная военная проза, появившаяся в 1980-х гг., стала всё больше акцентировать внимание зрителей на том, в каких условиях люди жили, какие проблемы преследовали их тогда. Такой подход к делу показал, что человек во время войны оставался человеком, несмотря на то что творилось на фронте и за его пределами. Благодаря произведениям Ольги Берггольц «Блокадные дневники» и Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» многие люди, родившиеся после войны, смогли прочувствовать те переживания, что сопровождали людей в те страшные дни.

Для литературы 1990-х гг. характерен неоднозначный стиль. Военное время описывается спорно, без однозначной позиции. Многим авторам этого перио-

да хотелось приоткрыть завесу тайны, рассказать о войне то, что всё время скрывали. Безусловно, многие книги были написаны с определенной долей фальши. Современное старшее поколение считает, что такая литература призвана разобщить и разорвать связь между поколениями. Однако находятся и те, кто считает данные книги отголосками правды, которую долгие годы скрывали.

Современные авторы ставят перед собой задачу – рассмотреть войну в ее первоначальном состоянии, исключая переживания человека. Война сейчас представляется человеку финансовой машиной, а человек выступает в качестве разменного ресурса, который очень легко заменить. Книги о войне сегодня всё чаще превращаются в сборник общих фраз, которые подойдут под определение любого военного конфликта, что приводит к путанице. При этом человек и его переживания практически не рассматриваются, либо же их касаются косвенно.

В то же время обостряется внимание на ситуации, предшествующей войне. Подробно и в деталях пытаются восстановить все события, хронологию и поведение людей непосредственно перед трагедией. На ярком акценте мирного и военного времени строится сюжетная линия многих современных авторов. В такие моменты автор хочет разобраться, в каком именно месте произошел тот самый надлом, который привел к таким катастрофическим последствиям.

Современному поколению всё реже удается общаться с представителями той эпохи. Так теряется эмоциональная связь поколений, а это, в свою очередь, чревато подменой понятий, внушением ложной истории и, как следствие, повторением тех страшных событий, но с большей жестокостью. Важно сохранить память в максимально первоначальном виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamiat-o-velikoi-voine>
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Нов. лит. обозрение, 2014. 187 с.
3. Браун Томас. *Hydriotaphia* : погребение в урнах, или Рассуждение о погребальных урнах, недавно найденных в Норфолке / сэр Томас Браун (1658) ; [пер. с англ. и коммент. В. Ю. Григорьева]. Екатеринбург : Урал. федер. ун-т, 2013. 511 с.
4. Дюркгейм Э. Социология. М. : Канон, 1995. 352 с.
5. Мережковский Д. Сердце человеческое и сердце звериное. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. С. 148–157.
6. Мандельштам О. Конец романа // Собр. соч. : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1991. Т. 2. С. 266–269.
7. Друнина Ю. В. Избранные произведения : в 2 т. М. : Худ. лит., 1981. Т. 1: (Проза) 1966–1979. URL: <https://litmir.club/br/?b=185333&p=9>

8. Гудзенко С. П. Мое поколение. М., 1945. URL:
<https://rustih.ru/semen-gudzenko-moe-pokolenie/>

9. Алигер М. И. Зоя. URL: <https://pitzmann.ru/aliger-zoya.htm>

*Воронежский государственный университет
Бутко В. Ю., преподаватель кафедры онтологии и
теории познания
E-mail: laptieva.v@bk.ru*

*Voronezh State University
Butko V. Yu., Lecturer of the Ontology and Theory of
Knowledge Department
E-mail: laptieva.v@bk.ru*